

РУКОПИСИ МИТРОПОЛИЧЬЕГО СКРИПТОРИЯ В БИБЛИОТЕКАХ РОССИИ И ЛИТВЫ (К ИСТОРИИ УНИКАЛЬНОЙ ВИЛЬНЮССКОЙ РУКОПИСИ ЦАРСКОГО ТРАВНИКА)

ТАТЬЯНА ИСАЧЕНКО

Российская государственная библиотека
ул. Воздвиженка 3/5, 119019 Москва, Россия
E-mail: isachenko@rsl.ru

Просветительская и издательская деятельность в сознании книжников эпохи Возрождения неразрывно связаны. «Учить простых людей, чтобы они, достигнув мудрости, хорошо жили на свете» – не раз подчеркивал цель своей жизни вильнюсский первопечатник Франциск Скорина. Хорошо жить для человека того времени означало научиться преодолевать собственные болезни. Болезнь рассматривалась как грех, а грех как болезнь. Отсюда ясно, что лечебные книги представлялись литературой особого рода. Достаточно сказать, что из 3000 первопечатных изданий XV в. треть посвящена медицине, ботанике и зоологии.

Статья посвящена описанию Вильнюсского (Виленского) лечебника, появившегося в кон. XVII в. в стенах патриаршего скриптория (Москва). История текста неразрывно связана с Травником 1534 г., созданным для умирающего князя Василия III – отца Ивана Грозного.

Ключевые слова: средневековые гербарии, история европейской медицины, инкунабулы, рукописи вел. князя Василия, митрополичий скрипторий, царский травник, вильнюсский (виленский) список.

I

Распространение книгопечатания в Великом княжестве Литовском и примыкающих к нему славянских землях самым непосредственным образом связано с важнейшим событием европейской истории – реформационным движением. Когда в XV веке в Германии и на Балканах заработали первые типографии, то наряду с библейскими

книгами, выбор издателей естественным образом пал на популярные в читательской среде средневековые гербарии.

Просветительская и издательская деятельность в сознании книжников эпохи Возрождения неразрывно связаны. «Учить простых людей, чтобы они, достигнув мудрости, хорошо жили на свете» – не раз подчеркивал цель своей жизни вильнюсский

первопечатник Франциск Скорина, который был типичным представителем своей эпохи, человеком энциклопедических знаний – философом, доктором медицины, в конце жизни – придворным ботаником чешского короля (ум. 1539).

Хорошо жить для человека того времени означало научиться преодолевать собственные страсти (чревоугодие, чело-векоугодие, сластолюбие, зависть, само-возвышение, гордыню, ненависть, злопа-мятство и др.). Ссылками на авторитетные имена Отцов Церкви пестрят предисловия лечебных книг позднего Средневековья и Возрождения. Эти цитаты призваны были укрепить в читателях веру, что нельзя до-стичь совершенства, не преодолев страсть. «Никогда не достигнем совершенства, если не преемимся от пленения страстна-го» (то есть если не преодолеем гнетущие нас грехи и болезни) – считал преподоб-ный Варсонофий Великий, египетский подвижник VI в., изречения которого часто цитируются лечебниками XVI–XVII вв.¹ Этому святому была дарована власть мо-литвой очищать от грехов души людей. Из сказанного ясно, что всякое врачевание было окружено ореолом святости, а вра-

чебные книги представлялись литературой особого рода. Достаточно сказать, что из 3000 первопечатных изданий XV в. треть посвящена медицине, ботанике и зоологии [19].

История европейской медицины сло-жилась таким образом, что проводниками греческих традиций стали арабы, благодаря которым классическая греческая наука (прежде всего астрономия и медицина) была сохранена и возвращена позже на Запад. Медицинские народные энцикло-педии, будучи переведены на многие национальные языки почти параллельно с Библией, были распечатаны на немецком, польском, чешском, испанском, завоевав широкое признание этих народов. Волна рационализма выплеснула их в порубеж-ные страны – в первую очередь, в Литву и Московскую Русь (через Германию и Польшу), где они нашли благодатную почву, бы-стро были усвоены, переработаны и надолго задержались в народном сознании.

В Московской Руси подобная энцикло-педия была составлена в 1534 г. для смер-тельно больного великого князя Васи-лия III. Автор перевода – Николаус Бюлов из Любека (Vulow, Vuelow, 1548), с пребы-ванием которого в России связаны многие страницы отечественной истории. Бюлов прожил в Москве более 30 лет, занимаясь врачеванием при дворе Василия III [1]. С его именем связан *Hortus Sanitatis* («*Gaerde der Suntheit*», «Приятный сад здоровья», «Прохладный / Благопрохладный вертоград») – последний из переводов привезен-ных из Любека книг. Его написал в 1447 г.

¹ Ответы св. Варсонофия включены в Пандекты Никона Черногорца и, следовательно, известны на Руси уже с XII в. [10]. В XVIII в. стараниями Паисия Величковского (†1794) на Афоне были найдены наиболее полные две древнейшие пергаменные греческие рукопи-си «Ответов» преподобного Варсонофия и его ученика Иоанна. Славянский (а позже русский) перевод были изданы в Оптиной пустыне [16].

Иоган фон Кубе, а издал в 1492 г. в Любеке Стефан Арндес ([Johann von Cube]. Gaerde der Suntheit: Steffen Arndes. 1492. 2) [20]. Бюлов, несомненно, перевел его на славянский (вероятно, в Москве) для митрополита Даниила в 1534 г.². Русский Gaerde der Suntheit стал одной из «таинственных» книг аристотелева домостроения Руси, ее называли «царственный домострой» (de regimine regum). Книги подобного рода предназначались для чтения ограниченного круга лиц, преимущественно великого князя и его окружения.

Что касается содержания книги, то в немецком *Hortus Sanitatis* систематизирован опыт древних культур (греческой, сирийской, арабской). В его арсенале – набор прописей, основанных на практических наблюдениях, передаваемых из поколения в поколение. Характеризуя древние медицинские системы, известные историки медицины Т. Мейер-Штейнер и К. Зудгоф указывали на то, что эти системы представляют собой производные двух величин – эмпирического рационализма и религиозного мистицизма [11].

Чем интересен русский перевод 1534 г.?

Памятник уникален в нескольких отношениях:

1. Русский *Hortus Sanitatis* связан с эпохой просветительского ренессанса

² О лечении Бюловым великого князя Василия Ивановича известно из летописи (запись Софийской III летописи под 1533 г.). Датирующая запись руки основного писца присутствует на л. 566 рукописи первой трети XVI в., хранящейся в Харьковском университете.

середины XVI века, он вбирает в себя сведения по систематике растений и медицинской науке самых ранних эпох (от Гиппократ и Диоскорида до Исидора Испанского и Константина Африканского³).

2. Перевод 1534 г. – первое иллюстрированное естественнонаучное сочинение, открывающее путь энциклопедическим сводам грозненской эпохи (середина XVI в.) и, по существу, пролог этих работ: Лицевой летописный свод – самый значительный иллюстрированный хронограф средневековой Руси, Степенная книга царского родословия – важнейший идеологический памятник эпохи и Великие Минеи Четьи – крупнейший нравоучительный свод этого времени. Травник 1534 года стоит первым в этом в ряду.

³ Гиппократ (ок. 460–370 г. до н. э.), древнегреческий ученый, врач, реформатор античной медицины. Диоскорид (Диоскоридес) – малоазийский ботаник I века, известный фармацевт, автор сочинения «De materia medica libri».

Исидор Испанский (Изидор, Изидорусь, 570–636 г.), севильский епископ, энциклопедист, пользовался большим влиянием в Испании. Благодаря Исидору медицина стала неотъемлемой частью образования для лиц, принимающих монашеский постриг.

Константин Африканский (Константин, монах из Монтекассино, монтекассинский монах, ок. 1020–1087 г.), выдающийся переводчик, впервые познакомивший Запад с трудами греческих и арабских врачей. Обобщающее сочинение Константина «Ars Artz medicinae» («Врачебное искусство») в течение нескольких веков служило учебным пособием для студентов университетов Европы.

3. Текст создавался в митрополичьем скриптории, что подтверждается водяными знаками бумаги старшего списка, его почерком, а также оригинальным прочтением текста о «всяком врачевании и врачебном искусстве в травах и в древесех, в плодах, и в златех..., и в камениях, и в водах, и в рыбах, и во иных многих подобных сим», помещенного в Сводной Кормчей (рукопись РГБ, собр. В. М. Ундольского № 27, л. 425 об.), то есть историческими данными. Данная статья митрополичьей Кормчей формирует представление именно о том тексте, который был предложен Николаем Бюловым [8].
4. Для истории книжной культуры Литвы последней трети XVII в. интерес представляет вильнюсский (*виленский*) список этого замечательного памятника. Список имеет московское происхождение. Место его хранения, однако, связано с Библиотекой им. Врублевских АН Литвы (БАН), (действующий шифр – ф. 22, № 25; прежний шифр, принадлежащий Отделу рукописей Вильнюсской публичной библиотеки – № 313).

II

Собирание русских рукописных книг в Литве началось в начале XIX в. В 1856 г. в Вильнюсе был организован Музей древностей и при нем Археологическая комиссия. В 1865 г. была основана Вильнюсская (Виленская) публичная библиотека, что положило начало собиранию русских рукописных книг в Литве.

По предварительным сведениям, полученным от хранителей БАН Литвы, рукопись поступила в Вильнюсскую публичную библиотеку в конце XIX в. и с началом Первой мировой войны могла быть вывезена Ф. Добрянским в Москву, в Румянцевский музей, а позже возвращена в Вильнюс (Вильно). Рукопись не попала в описания, составленные и изданные П. Гильтебрандтом (1871) и Ф. Добрянским (1882), очевидно из-за того, что археографических сведений о ней, к моменту издания составленных учеными своих описаний, не существовало. Общие обзоры фондов библиотеки, подготовленные В. Абрамовичусом (1958) и В. Петраускасом (1966), также не содержат сведений о вильнюсском лечебнике. Таким образом, можно предположить, что описание рукописи ранее не существовало. Сведения о ней ограничиваются картотечной записью: «Фонд № 22, Лечебник XVII века (Vaistažolininkas). Конец XVII в., 570 л.». Эти данные воспроизведены на вкладном листе и датируются 1949 годом.

Общая характеристика. По нашему мнению, список является родоначальником сокращённой редакции, представленной петербургскими рукописями. Внешне неброский, переживший реставрацию, вильнюсский список отличается хорошей сохранностью и замечательным оформлением. Рисунки присутствуют в 374 главах. Из пяти лицевых изображений три несут на себе черты стиля строгановского письма. В них нет повторов, живописная манера изображений свидетельствует о глубокой

самобытности и самостоятельном видении изографа.

Бумага и ее филигранны. Основными видами филиграней рукописи является «Амстердам» в трёх вариантах: с литерами AP (лл. 6, 513, 514), с литерами FP (л. 27), без литер (л. 11), а также голова шута семизубцовая. Бумага с подобными знаками – отличительная особенность московских рукописей последней трети XVII в., в частности книг, созданных в митрополичьем скриптории и в среде справщиков Московского Печатного двора (Дианова: Амстердам № 2 – 1668–1672 г.; Дианова: Амстердам № 228 – 1665 г.; Дианова: Амстердам № 54 – 1701–1708 г.; Дианова: Шут № 337 – 1680 г.) [13, 105].

Сохранность списка хорошая. Рукопись бережно отреставрирована. Листы подклеены полосками бумаги в процессе реставрации. 570 л. (лл. 22–28 чист.). Размер листа 1° (19 × 31 см). В рукописи 682 (из 688) глав. Из них 542 посвящены растениям и основным продуктам питания, а 140 (из 146) – камням, металлам, солям и различным рудам.

Переplёт рукописи – поздний (нач. XX в.), доски в черной коже.

Утраты. Согласно современному карандашному счёту, в рукописи 570 лл. Первые листы, на которых расположен систематический указатель «Хитрость каноном», частично утрачены. Начало указателя отсутствует, а между 1 и 2 лл. утраты. Кроме того, нынешний л. 2 вплетен наоборот. Далее разнобоя в очередности и правильности расположения листов

нет, однако встречаются повреждения отдельных листов с утратами текста (в гл. 1 «Артемизия», 306 «Мандрагора», 682 «Купорос»; заключительные разделы о «кровопускании жильном» и «уринах» в списке отсутствуют).

Рисунки, сделанные пером, присутствуют в окнах 379 глав, в следующих четырех они нанесены прорисьями; с гл. 384 окна оставлены пустыми. Работа художника не была завершена. Расположение рисунков на листах варьируется, как правило, они занимают половину листа. Качество рисунков очень высокое. Есть среди них уникальные изображения, характеризующиеся индивидуальной манерой. Прежде всего, к ним относятся рисунки на лл. 271 об (спящие под деревом), 279 об (мужчина в русской шапке-боярке) и 264 об (юноша с тусеском за плечами). Названные изображения близки к манере письма строгановской живописной школы.

Рис. к гл. 245 «Гранетин». Л. 264об

Рис. к гл. 255 «Изопум гумидум». Л. 279об

Порядок и нумерация листов. Листы рукописи просчитывались единственный раз, очевидно, перед её реставрацией. Цифра проставляется не в правом углу листа, как обычно, а по центру. В дальнейшем ветхие края листов предстояло закрыть полосками бумаги – это нарушило бы счёт.

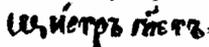
Почерки. Рукопись написана ровным полууставным письмом двух, сходных между собой почерков. Предположительно рука второго писца читается на первых листах указателя (лл. 1–21) и лл. 210–225, хотя общее впечатление от письма весьма однородное и границы почерков трудно различимы. Помимо двух основных почерков, в рукописи присутствуют надписи, сделанные канцелярской скорописью XIX или начала XX вв. Этими надписаниями помечены отдельные растения указателя и текста. Пометы немногочисленны. Например, в указателе на первых лл. рукописи помечены: Божье древо (гл. 2), мышье ушко (гл. 28), морковь (гл. 170), кропль (гл. 199),

папорть (гл. 206), донникъ (гл. 300). В тексте в окнах-заготовках помечены: ромашка (л. 124), тополь (л. 398), горох (л. 422), сандал (л. 447 об), бузина (л. 428, 429), трифоль (л. 477). Иногда эти надписи сопровождаются латинскими обозначениями растений: Красная смородина, *Ribes rubrum* (л. 417 об) и указаниями лечебного плана: ‘от разшиба’ (л. 392 об).

Помимо этих поздних записей, в рукописи присутствуют похожие *записи* более раннего времени – вероятно, современные самой рукописи (к. XVII в.). Как правило, эти пометы сделаны светло-коричневыми чернилами, помещены они, также как и в первом случае, либо возле рисунков, либо в окнах. Писавший отмечает хорошо известные ему растения: кимень большой немѣцкой (л. 154 об.), «невть», т.е. нефть (л. 384), перец стручатой (л. 388 об.), перец горошистой (л. 309), сливы (л. 403), дикая рябина (л. 404 об.), хрень (л. 411 об.), пшено сорочинское (л. 425 об.). Думается, эти пометы были призваны упростить работу со справочником, помогали легче ориентироваться в нем. Той же рукой на полях глав фиксируется применение: «от укушения гадов» (против слов: «от хренова приятия заживут язвы укушенныя от ползущих гадов», л. 412); «раны заживляет» (против слов: «Листивие сливоваго древа...»). Как правило, подобные пометы появляются рядом с растениями и огородными культурами, хорошо известными на Руси.

Почерки двух работавших над основным текстом травника писцов типологи-

чески сходны. Они почти не различимы по цвету чернил, начертаниям букв. Различие заключается в большей плотности и собранности второго почерка, хотя внешне почерки почти неразличимы. Писцы пишут характерное для харьковского и московского царского списка «А» как *вентъ*. В заголовочных статьях употребляются графема М, напоминающие готическую

 Шитеръ мѣтъ.

а также З, Т, В, Б, которые служат не только обозначением начала статьи, но, одновременно и элементами оформления

 Зестд.

Инициалы тщательно выписаны пером, черными чернилами и киноварью. В первом указателе («Хитрость канонам») они подчеркнута красивы, в главах – более скромны, но киноварью отмечается очередность статей в главах. На титульном листе раздела «О бисерах» – цветная заставка старопечатного типа. Вероятно, такой же титульный лист присутствовал в первом разделе «о травах», но он не сохранился. Как были оформлены заключительные разделам о кровопусканиях и чепучинном сидении, мы не знаем.

Рисунки растений в вильнюсском списке отличны от рисунков харьковского и московского списков.

Записи переводчика читаются: а) в текстах заголовков и указателя: «апорускипольнь», «а по руски чеснок», «а по руски проскурник или зенъзверъ», «а по руски шавей» и т.д.; б) в тексте глав: «и та риза не

тлѣть во огни, но огнем очищается, а мы мнимъ, что то есть тафта, кою нѣмцы именуютъ соломандра» (л. 534 об., гл. 609); «а та смола подобна драгому камени, и азъ чаю, что то есть ентаръ» (л. 281, гл. 266).

Записей о переводчике, о благословении на перевод и о дате его завершения – 1534 г. – в виленском списке нет.

Состав рукописи. Как и все прочие списки, рукопись на первых листах имеет указатели, которые следуют один за другим (л. 1–21 об). На л. 18 об.–21 помещены указатели, которых нет в списке 1616 г., но которые есть в харьковском списке – «тѣ зеля, кои проход творятъ», «кои естество члвѣческое укрѣпляютъ». Лл. 20–20 об. занимает «предисловие о уринах», лл. 20 об.–21 – «о жильном кровопускании», л. 21 об. – «о чепучинном сидѣнье». Лл. 22–29 свободны, затем следуют главы основного текста с 1 по 542 (состав травника) и с 543 до 682 (состав раздела «о бисерах»).

К особенностям списка относятся: отсутствие имен греческих, арабских и средневековых авторов с указанием на конкретный источник; замена этих имен обобщающей ссылкой: «Мистр глаголет...». Статьи «о 12 зодиях» и «о рожечном поставлении» в указателе и в тексте отсутствуют.

Ошибки. В тексте встречаются ошибки, которые носят фонетический характер. Можно предположить, что текст писался со слуха: «также и малых отроков в зыпках (т. е. зыбках) сохраняет от всех недугов» (л. 530); «а лучше тотъ есть, кои растет в **Ермании**» (т. е. в Германии); «а находят

его при **врезѣ** фозиновы рѣки, то гда он росмякнетъ и прибудетъ его» (л. 550 об.); «понеже **вревних** временех (т. е. в древних) телеса мертвых начинали бальсамумъ съ **из мирную** (правильно: со смирную) да сабуромъ (л. 551)».

III

«Благопрохладный вертоград» в русском переводе 1534 года до настоящего времени не издан, между тем как он занимает совершенно особое место в истории литературы XVI в. Его появление на Руси связано не с рукописной традицией как с таковой, а с первыми опытами книгопечатания.

Интерес к переводу 1534 г., с одной стороны, продиктован личностью переводчика, прибывшего в Россию в конце XV в. и, вероятно, трудившегося в окружении новгородского архиепископа Геннадия. С другой стороны, этот интерес поддерживается необычными обстоятельствами появления текста в Москве, сведениями о благословении этого перевода митрополитом Даниилом – главой Русской церкви. Она также представляет особый интерес как единственная рукопись, достоверно происходящая из библиотеки Ивана Грозного, который фактически цитировал её текст по памяти [2].

Важнейшими списками Травника великого князя Василия являются:

□ *харьковский* (ближайший к дате появления перевода 1534 г. и вероятный его протограф), рукопись хранится в Центральной научной библиотеке Харьковского национального уни-

верситета им. В.Н. Каразина под № 159 (далее: ХНУ) [7]. Рукопись датирована 1534 годом с указанием точной даты окончания работ – 4 мая, о чем свидетельствует запись на л. 566 харьковского списка

По повелѣнію гдѣна прѣчиннаго Данила митрополита всеа Русіи Бжїію млстїю. Оіа кнїга преведена въѣсть с немецкого яззыка на словенскїи. Я перевелъ поломаннїкъ митровскон, родѣ немуннїъ, ловчуннїъ.

Писана лѣта ̅҃лв (1534), а кончана мал ̅҃ (4).

- *московский* парадный список 1616 г., составленный после оставления Москвы поляками и восстановленный хранителем царской казны Флором (РГАДА, ф. 188, № 649 (преж шифр: ГИМ, Увар. собр., № 2191/ 623) [9, 524–527]. Царский список, составленный Флором, снабжен послесловием, которое является единственным источником, излагающим историю рукописи, подтверждающим дату осуществления перевода и пребывание ее в царских (или митрополичьих) палатах Кремля.
- два *петербургских* списка: ранний (РНБ, Q.XVI.11, нач. XVII в.) и поздний лицевой (F.VI. 9/1,2, кон. XVIII в.),
- *второй московский* список (ГИМ, Увар. № 387, сер. XVII в.).
- Примерно с 2007 года внимание ученых привлечено к *виленскому* списку конца XVII в., который ранее не изучался [6; 7].

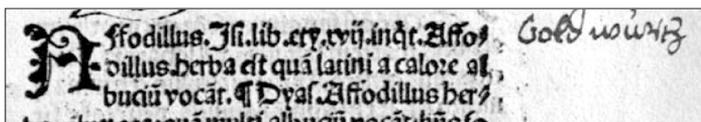
Источники перевода. Название «Сад здоровья» стало традиционным для популярной латинской компиляции «[H]Ortus sanitatis», которая в XV–XVI в. была быстро переведена на немецкий и французский языки и в течение одного лишь XV в. издавалась 38 раз). В первом датированном немецком издании 1485 г. в качестве заголовков глав даны их латинские и, реже, греческие или арабские названия в латинской транскрипции с немецкими соответствиями. Эта краткая редакция приписывается Иоганну Воннеке фон Кубе (1503–1505) и охватывает только 435 видов растений, животных и веществ, применявшихся в медицине. С 1491 г. преимущественно на латинском языке издавалась более пространная редакция из 1066 статей со сведениями о 530 видах растений, 164 видах животных, 122 видах птиц и 144 видах минералов.

В связи с тем, что в харьковской рукописи указано имя переводчика **родѣ немуннѣ, любуѣннѣ** (с уточнением **полонѣннѣ лнтоѣскон**) нами дополнительно рассматривались два возможных источника перевода Бюлова – инкунабула БАН Литвы с расширенным латинским вариантом *Der grobe Hortus sanitatis* (Strassburg, 1499) и ранняя инкунабула *Hortus Sanitatis*, хранящаяся в Российской государственной библиотеке (РГБ) (Mainz, 1485). Особенностью первого издания является присутствие на

полях глосс, которые сопоставлялись нами с транскрипциями старшего русского списка ХНУ.

IV

Интересны некоторые соображения, связанные с историей формирования жанра и его терминологии. По указателю источников Сл РЯ XI–XVII вв. перевод 1534 г. известен как Травник Любчанина – по имени врача и переводчика. До середины XVI в. *травниками* на Руси называли собирателей трав: «**акоже бо н травникъ всацѣхъ цвѣтцѣхъ неѡскѣденъ, всакомѣ хотѣшѣ събратн. такоже н в сихъ кннгахъ все хотѣнїе ѡбращем**», – читаем в Геннадиевской Библии 1499 г. Однако в вязи царского списка 1616 г название немецкой книги *Der Gart der Gesundheit* истолковано как *вертоград*: «Книга, именованная Благопрохладный цветник, вертоград, здравію сотворение (л. 1 вт. сч.). *Вертоград* и *Цветник* здесь, скорее, названия, ориентирующие на нравственные категории (как это было в средневековой книжности, где Цветник употреблялся именно в этом значении). В послесловии к списку 1616 года Флор говорит о воцарении государя Михаила Федоровича Романова, украшении церкви книгами и иконами, которые необходимы для сохранения царского здоровья. Среди книг находится и обретенная им рукопись: «*иже соблюда-*

юции царское здравие книги, сотворенныя любопремудрыми философы снискаются, ихже именуем Благопрохладный цветник, и от многих болезней и недуг злых свободитель. По милости же Божии и здравию податель, премудрости же и философскому учению Вертоград».

Высокий церковнославянизм «вертоград» рукописи не противопоставляется традиционному средневековому Травнику, а отождествляется с ним. В греческой и переводной литературе название *Цветник* закрепилось за патериковыми сборниками; В. Р. Федер прямо указывает на связь терминов *цветник – лимонарь – вертоград – луг духовный* с греч. Λεμονάριον [18].

На позднем этапе своего литературного развития вертоград обнаруживает сходство с памятниками назидательной, нравоучительной литературы. Его составители возвращаются к понятию *цветник* в его первоначальном литературном значении, нравственный аспект приобретает здесь главенствующее место. Определенным образом *травник* начинает восприниматься как «*лекарство душевное*», «*врачевство*». Показательно, что одним из первым переводов воспитанников Киево-Могилянской академии, приглашенных в Москву в начале 50-х гг., стал «Вертоград» немецкого проповедника Мефрета (XV в.). Позднее это сочинение послужило источником для проповедей Симеона Полоцкого, известного книжника XVII в., одного из первых преподавателей в Московской-славяно-греко-латинской академии, знатока латинского языка, иезуита. Множество

поучительных статей *вертограда* Мефрета переводит нас в иную плоскость восприятия. Книга составлена «во пользу душевную всех благочестно жити тщащихся, непрелестну имея надежду, яко всяк, хотяи душевного услаждения и ея здравия желаяи, известнаго доволны себе обрящет зде цветы во ползу», как пишет в своем «Вертограде многоцветном» Симеон Полоцкий. В «Вертограде» Мефрета широко используется сравнение человека с природой и миром животных [3, рукопись 169, с. 245].

«Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого продолжает эту традицию. Он вбирает все аспекты бытия человека и предстаёт перед нами не просто как набор фактов и имен, но как религиозно-философская, общественно-социальная, бытовая, практическая энциклопедия. Книга содержит ссылки на Аристотеля, Плиния Старшего, Солина, Оригена – т.е. тех же авторов, которые послужили источником «таинственной» литературы, увлекшей Русь в XV–XVI вв. Этот список дополняют также сравнительно новые авторы: Яков Ворагинский, Кедрен, Науклер, Фабер, а также авторитеты западной Церкви – Амвросий Медиоланский, Цезарь Бароний, Вицент из Бовэ. Известная исследовательница творчества Полоцкого Л. И. Сазонова отмечает, что Симон, преподнося универсальную мораль, как бы открывает сад перед грешными душами, с тем, чтобы они наслаждались знанием, которые дает духовный вертоград. Сборник Симеона Полоцкого «Вертоград многоцветный»

представляет собой яркий пример стихосложения барочного типа. Для многих книжников того времени «сад» стал олицетворять не просто райские кущи, но «собрание разных тем и форм, рай мысленный, духовный, приносящий плоды мудрости и знания» [17, 17–45].

Широкую популярность среди горожан конца XVII–XVIII вв. получила притча о «Духовной аптеке». Нам известно два варианта переложения, один из них был опубликован Д.А. Ровинским [XVIII в.; 15], другой обнаружен нами среди рукописей Костромской библиотеки⁴ (относится к концу XIX в.).

Первый вариант (Ровинского): «Старец некий вниде во врачевницу, и рече ему врач: «Кую потребу, отче, имаши?» Отвеча старец: «Есть ли у тебя былие, врачующее грехи?» Глаголет ему врач: «Аще требуеши, покажу ти его: возьми корень нищеты духовныя, на нем же ветви молитвенныя процветают цветом смирения, иссуши их постом воздержания, изотри и терпеливым безмолвием просей, накрой покровом любви и подпали теплотою сердечною. И, разжегши огонь молитвы, подмешай капусту благодарения, и, упаривши довольно смиренномудрием, влей на блюдо рассуждения. Довольно простудивши братолюбием, часто прикладывай на раны сердечныя, и тако уврачуеши болезни душевныя от множества грехов».

Второй вариант: «Один доктор спросил у монаха, не знает ли он лекарства от грехов?

⁴ Ныне находятся среди книг и материалов «россыпи» Музейного собрания РГБ.

«Знаю», – отвечал монах и прописал ему следующий рецепт: сперва нужно пойти в монастырь и накопать корней послушания, нарвать листьев смирения, собрать чистоты душевной и плодов веры нелицемерной. Все это сварить в чаше терпения и просеять решетом рассуждения, положить соли боголюбия и развесть слезами раскаяния, и смешать веслом покаяния. Потом закрыть крышкой милосердия, сварить на огне усердия, после сего слить все в сосуд целомудрия и простудить на камне смиренномудрия. Принимать по три ложки в сутки с раствором страха Божия и с полною надеждою ожидать исцеления от грехов».

К концу XIX в. притча о духовной аптеке претерпела некоторые текстовые изменения, в новом варианте она ориентировала читателя на монашеский образ жизни как на единственный путь ко спасению.

Прочтения сада как рая спасенной души, «райского» душевного состояния отмечаются в литературе Нового времени – уже не в виде жанра, а в качестве книжного символа – «Зелёный вертоград» Бальмонта (где вертоград символизирует нравственный закон). Архетип сада – души, рая, Богородицы присутствует в поэзии В. Соловьева, И. Северянина, В. Иванова, Н. Гумилева, Есенина, Клюева [17].

Добавим к этому также интересное толкование М. Ф. Мурьяновым стихотворения А. С. Пушкина «Вертоград моей сестры». Ученый в семантике понятия *сад-вертоград* выделяет доминанту женственности, интерпретируя одно из гениальных творений Пушкина в смысле прочтений библейской Песни Песней (6, 3) [14, 193–195].

ССЫЛКИ

1. БУЛАНИН, Д. М. Булев (Бюлов) Николай. In *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 2 (вторая половина XIV–XV в.) Часть 1. Отв. ред. Д. С. Лихачев. Ленинград, 1988, с. 101–103.
2. ГОРСЕИ, Джером. *Записки о России*. XVI–начало XVII в. [М.], 1990, с. 85–86. Цитата идентифицирована: Морозов, Б. Н. Травник из Постельной казны Ивана Грозного? Харьковская рукопись 1534 г. – новый памятник книжной мастерской митрополита Даниила (Первые итоги изучения). In *Археографический ежегодник за 2002 год*. М.: Наука, 2004, с. 73–85. Идентификация цитаты – с. 83).
3. ЗМЕЕВ, Л. Ф. Древнерусские врачевники. *Памятники древнерусской письменности*, 1896, № 107, с. 3–5.
4. ИСАЧЕНКО, Т. А. Травник Ивана Грозного: К истории Харьковского списка нач. XVI в. In *Румянцевские Чтения: материалы международной конференции (10–12 апреля 2007)*. М., 2007, с. 161–164.
5. ИСАЧЕНКО, Т. А. Травник Николая Любчанина и его судьба на русской почве. *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 2007, № 3 (29), с. 41–43.
6. ИСАЧЕНКО, Т. А. Находка Вильнюсского архива. In *Румянцевские Чтения: международная конференция: тезисы докладов и выступлений*. М., 2008, с. 240–245.
7. ИСАЧЕНКО, Т. А. Является ли Харьковский список Травника 1534 г. автографом перевода Николая Бюлова? *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2009, № 2, с. 9–12.
8. ЛЕОНИД (КАВЕЛИН), Архим. *Систематическое описание славяно-русских рукописей собр. гр. Уварова*. 4.4. М., 1894.
9. КЛОСС, Б. М. *Никоновский свод в русской летописи XVI–XVII вв.* М., 1980.
10. МАКСИМОВИЧ, К. А. Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII века (юридические тексты). *Studia philologica*, 1998.
11. МЕЙЕР-ШТЕЙНЕГ, Т.; ЗУДГОФ, К. *История медицины*. М., 1925 (перевод с немецкого).
12. МОРОЗОВ, Д. А. *Арабские глоссы в европейских фармакопях: [рукопись]*, с. 3 (предварительный вариант статьи в компьютерном наборе любезно предоставлен Д.А. Морозовым автору для ознакомления).
13. МОРОЗОВА, Н. *Кириллические рукописные книги в Вильнюсе*: Каталог. Вильнюс, 2008, с. 105.
14. МУРЯНОВ, М. Ф. *Гимнография Киевской Руси*. М., 2003, с. 193–195.
15. РОВИНСКИЙ, Д. А. *Русские народные картинки*. СПб, 1881. Т. 1–5.
16. *Руководство к духовной жизни в вопросах и ответах святых Варсонофия Великого и Иоанна Пророка*. Изд. 4-е. 1853. СПб., 1905.
17. САЗОНОВА, Л. И. Поэт и сад (из истории одного топоса). In *Folia litteraria Acta Universitatis Lodziensis*. 22: *Studia z literatury rosyjskiej i radzieckiej*. Łódź, 1988, s. 17–45.
18. ФЕДЕР, В. Р. Сведения о славянских переводных патериках. In *Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР*. Вып. 2. Ч. 1. М., 1976, с. 211, 220.
19. *Katalog der Inkunabeln der Kgl. Bibliothek zu Uppsala* von Collijn Isak, 1907, S. 196, № 812.
20. KLEBS, A.C. *Incunabula scientifica et medica*. Hildesheim, 1963.
21. *Niederdeutsche Bibliographie Gesamtverzeichnis der Nieder deutschen Drucke bis zum Jahre 1800* von Dr. Conrad Borchling und Dr. Bruno Claussen. Bd. 1: 1473–1600. Neumünster, 1931–1936, S. 90, No. 203.

MANUSCRIPTS FROM MITROPOLINTAN SCRIPTORIUM IN RUSSIAN AND LITHUANIAN LIBRARIES (ON THE ISSUE OF A UNIQUE MANUSCRIPT OF TSARIST HERBARIUM IN VILNIUS)

TATJANA ISAČENKO

Abstract

Enlightenment and publishing were inseparably linked in the consciousness of literary men of the Renaissance period. The printing pioneer of Vilnius, Francisk Skorina, more than once proclaimed that the aim of his life was 'to educate simple people, so that they, upon achieved wisdom, can live well in the world.' To live well for a person of that period meant learning to overcome one's illnesses. Illness was seen as a sin, and a sin as illness. Thus, it is clear that books on healing are a special type of literature. It is also

notable that of the 3,000 printed books of the 15th century, one third were dedicated to medicine, botany, and zoology.

This article is devoted to a description of the Vilnius' leechbook which appeared at the end of the 17th century in the Patriarch's scriptoria (Moscow). The history of this text is inseparably linked to that of the herbal of 1534, which was compiled for the dying prince Vasiliij III, father of Ivan the Terrible.

METROPOLIJOS SKRIPTORIUMO RANKRAŠČIAI RUSIJOS IR LIETUVOS BIBLIOTEKOSE (UNIKALAUŠ VILNIAUS RANKRAŠTINIO HERBARIUMO KLAUSIMU)

TATJANA ISAČENKO

Santrauka

Straipsnyje, pasitelkus surinktas žinias apie žinomus enciklopedinio pobūdžio knygos „Žolynas“ (herbariumas) egzempliorius, pristatomas Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių bibliotekos Rankraščių skyriuje saugomas šios knygos XVII a. pabaigos nuorašas. Autorė pateikia trumpą šios rankraštinės knygos saugojimo istoriją, bibliografinį aprašą, juo

remdamasi bando nustatyti knygos perrašymo vietą ir laiką. Straipsnyje aptarta šio herbariumo kilmė, kelias į Maskvos Rusiją per LDK ir vėlesnė jo įtaka kultūriniam moksliniam gyvenimui tiek Rusijoje, tiek buvusioje LDK teritorijoje. Straipsnis teikia naujų žinių šio rankraščio istorijai ir jo panaudojimo aplinkybėms pažinti.

Įteikta 2009 m. gruodžio mėn.